

УДК 316.344.42+323.396
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.7278

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Наронская Анна Гегамовна,

Уральский федеральный университет,
кафедра теории и истории международных отношений,
кандидат политических наук, доцент,
Россия, Екатеринбург,
E-mail: naronsk.an@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические основы изучения социальной динамики политических элит. Автор отмечает, что проблемы смены и преемственности политической элиты достаточно широко исследовались как в классической, так и в современной элитологии. Цель настоящей статьи – показать достоинства и недостатки различных концептуальных направлений при изучении динамики элитных групп.

Ключевые понятия:

политическая элита, политический процесс, элитогенез, транзитология, трансформация, неоинституционализм.

Проблема развития и динамики политической элиты достаточно широко исследовалась отечественными и западными элитологами. Особое место занимает данная тема в трудах классиков политической элитологии. Так, например, Вильфредо Парето – автор термина «политическая элита» – для объяснения социальной динамики сформулировал теорию «циркуляции элит». По мнению Парето, в результате циркуляции меняются два основных типа элит: «львы» и «лисы» (в данном случае Парето применял подход Н. Макиавелли). Парето считал, что элита львов стабильна, в ней доминируют застойные тенденции, в то время как элита лис – динамична и мобильна. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда система рекрутирования обеспечивает пропорциональный приток в элиту людей первого и второго типов. Если это равновесие нарушается, то может произойти радикальная (революционная)

смена элит, когда один тип элиты уничтожает другой. На взгляд Парето, наиболее эффективна постепенная смена, круговорот основных типов элит. Парето рассматривал кругооборот элит в качестве универсального закона истории, в результате которого обеспечивается преемственность элит [13; 14].

Другой классик элитологии Гаэтано Моска выделил две тенденции, определяющие мобильность и развитие господствующего класса (Моска не использовал термин «элита», а применял категорию «политический класс»):

1) аристократическую, которая ведет к закрытости и последующему вырождению правящего класса;

2) демократическую, которая в периоды социальных изменений обеспечивает пополнение правящего класса наиболее способными представителями общества.

«Все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически», – писал Моска [10, с. 187]. В частности, он указывал на стремление представителей правящего класса монополизировать институт образования, что обеспечивало «то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называли преимуществом *positions déjà* уже занятого положения» [10, с. 187]. Размышляя о динамике господствующего класса, Моска делал главный акцент на необходимость его пополнения «лучшими» представителями масс через существующие политические и социальные институты. Вместе с тем, он подчеркивал, что приток в элиту новых людей возможен только при сохранении ее преемственности. Отметим, что и Роберт Михельс, рассматривая мобильность и динамику элиты, указывал на то, что эффективное развитие элиты происходит не через ее радикальную смену, а через постепенную реорганизацию, в результате которой происходит слияние прежней и новой элит.

На основании классических теорий элиты можно сделать следующий вывод: любые, даже самые радикальные политические изменения, не устраняют полностью прежнюю политическую элиту, она просто включается в новую элиту в качестве ее части или – при революционных потрясениях – в виде отдельных фрагментов. Основания подобной преемственности достаточно очевидны: 1) нехватка в рядах новой элиты профессионалов, владеющих властными ресурсами, которые необходимы для управления страной; 2) наличие группы «перебежчиков», предусмотрительно покинувших старую элиту еще до ее поражения и вошедших в состав новой элиты; 3) невозможность быстрой смены старых кадров, даже на ключевых постах; 4) общая слабость новой элиты на первых порах, толкающая ее к компромиссу с прагматичными предшественниками [9; 10].

Проблемы упадка, кризиса и радикальной смены политической элиты находятся в центре внимания современной элитологии. Правда, если в классических теориях радикальная смена элиты в основном отождествлялась с революцией, то в современных исследованиях элит внимание фиксируется на том факте, что радикальные изменения механизмов формирования и функционирования политических элит могут происходить и без революций. Действительно, кризисы политической элиты и утрата ими легитимности в большинстве своем не сопровождаются сменой политической элиты, а лишь ведут к ее ограниченным преобразованиям. Относительно бескровные реформы авторитарных систем в Южной Европе в 70-е годы XX-го века усилили интерес к проблеме смены как политической системы в целом, так и политической элиты, в частности.

Дальнейшая популярность проблематики трансформации политических элит была обусловлена тем, что на посткоммунистическом пространстве смена элит не привела к революционному замещению одного состава элит другим, имела, по сути, эволюционный характер.

В большинстве случаев исследователи при рассмотрении смены и развития политических элит ориентировались на одну из двух теоретических схем:

1) теория «соревновательного элитизма» (Дж. Шумпетер), в рамках которой единственным критерием динамики элиты является замещение правительственных должностей через свободные и справедливые выборы [16];

2) плюралистическая модель «полиархии» (Р. Даль), в которой главными критериями функционирования и формирования политической элиты являются «состязательность» и «участие», а основными индикаторами ее демократичности – набор гражданских и политических прав и свобод [2; 5; 7].

Данные теоретические схемы создают определенные методологические проблемы для практического анализа переходных процессов, в частности, посткоммунистических элит. Например, критерий «свободных и справедливых выборов» не работает в ситуации, когда выборы не являются механизмом смены или развития элиты. При существовании «партий власти» результаты голосования – даже при наличии конкуренции – во многом обуславливаются административным ресурсом политической элиты, а также неравенством условий ведения предвыборной кампании. Таким образом, выборы могут не иметь никакого отношения к электоральной и элитной состязательности [2, с. 17–18].

Модель «полиархии» также создает серьезные затруднения при изучении динамики постсоветских элит. В ситуации, когда выборы не обеспечивают внутриэлитную конкуренцию и не являются механизмом обновления элиты, а дополняются такими явлениями, как клиентелизм и клановость, происходит значительное ограничение гражданского политического участия. Формирование реальной «гражданственности» едва ли возможно до возникновения значительного слоя граждан, автономных (прежде всего – экономически) по отношению к властям [2, с. 17–18].

Указанные модели рассматривают в качестве основных условий элитной динамики наличие стабильных политических и экономических институтов западной демократии, а также развитой гражданской политической культуры. Но данные схемы неэффективны в ситуации кризиса легитимности, падения эффективности политической элиты, снижения контроля над деятельностью представителей политической элиты, непредсказуемости поведения элитных групп. Важно и то, что перечисленные теоретические модели не включают в свой анализ неофициальные, скрытые стороны деятельности властвующих групп, которые в большинстве случаев определяют вектор развития любой политической элиты.

Следует отметить, что на сегодняшний день наиболее популярными концептуальными направлениями при изучении динамики элитных групп являются транзитологические подходы (Г. О'Доннелл, С. Хантингтон, А. Пшеворский), теория трансформации (К. фон Байме, Р. Дарендорфф, К. Дойч), а также теория неинституционализма (Д. Норт, Р. Коуз, Дж. Бьюкенен).

Транзитология изучает динамику политических элит как целенаправленное движение к демократическим механизмам формирования и функционирования

элитных групп. Условием эффективного развития данного процесса является наличие субъекта власти, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведет в избранном направлении. Другими словами, речь идет о существовании легитимной правящей элиты, которая опирается на обоснованную программу действий и пользуется широкой поддержкой граждан. Особую роль в процессе «демократического транзита» играют учредительные выборы. Например, в Польше, Венгрии и Чехословакии в результате первых учредительных выборов, состоявшихся в 1989–1990 гг., к власти пришли оппозиционные силы. Следующие выборы привели к власти социал-демократические партии, в состав которых входили в основном посткоммунистические силы. Такая циркуляция доказывает, что именно институт выборов постепенно начинает играть решающую роль в процессе динамики политических элит [4, с. 6–15]. Ключевым аспектом демократического транзита является «пакт элит», который основан на компромиссе элитных групп по поводу политических институтов, норм и правил политической деятельности. Очевидно, что внутриэлитные конфликты приводят к значительному ослаблению каждой из конкурирующих групп. Поэтому формирование «сообщества элит», т. е. консолидации элиты становится наиболее рациональным решением [15].

Трансформационная теория акцентирует внимание на непосредственных действиях представителей политической элиты. В этом случае ни направление развития политических элит, ни его конечный результат не являются предрешенными, процесс трансформации правящей элиты исключает характерный для транзита вектор движения в заранее заданном направлении. Представители данной теории анализируют не столько результаты трансформаций, сколько сам процесс демократизации. Основаниями для рассмотрения динамики элит в рамках трансформационных подходов служат изменения, которые: 1) повышают зависимость социального статуса от профессионально-квалификационного и культурного потенциала групп политической элиты; 2) укрепляют институты гражданского общества; 3) интенсифицируют мобильность политической элиты; 4) позволяют перекрывать криминальные и неформальные каналы формирования элитных групп [6, с. 447].

И транзитологи, и представители теории трансформации рассматривают динамику элит как процесс ее демократизации. Теория трансформации, а также транзитологические схемы давали достаточно подробное представление о том, как происходят смены элит. Вместе с тем, они не могли обоснованно ответить на вопрос, почему же процессы и результаты смены политических элит столь различны [1], что свидетельствует, на наш взгляд, об определенных методологических погрешностях данных моделей.

Неоинституционализм также широко применяется для изучения проблем элитогенеза. Главным преимуществом теории неоинституционализма является то, что она позволяет элитологам изучать особенности динамики политической элиты через развитие формальных и неформальных институтов ее формирования и функционирования. Формальные институты – это правовые нормы, которые регулируют становление и деятельность политической элиты. Неформальные институты – это обычаи и традиции формирования и функционирования элиты. Неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции и определяют отношение индивидов к различным вариантам «формальных ин-

ституты», предлагаемых государством [8, с. 54]. Смена формальных институтов происходит быстро, через введение новых правил игры, которые становятся привычным образом поведения для представителей политической элиты [6, с. 207–209]. Неформальные институты меняются медленно и могут вытеснять формальные институты, когда, например, «механизмы, призванные обеспечить демократию и верховенство права, либо разрушаются изнутри, либо превращаются в собственную противоположность» [3, с. 10]. Формальные и неформальные институты могут не только противостоять, но и дополнять друг друга. При деградации прежних формальных механизмов элитообразования регулирование политических процессов может происходить через устойчивые неформальные институты [2, с. 16–29].

Теория неоинституционализма дает возможность элитологам проследить конвергенцию (сближение) новых формальных институтов и неформальных практик. Если подобное сближение происходит, то это означает готовность основных групп политической элиты следовать универсальным нормам и правилам. Если конвергенции не происходит, то институциональное развитие заходит в тупик, новые механизмы формирования и функционирования политической элиты отторгаются [12, с. 59–60].

В целом, транзитологические подходы, теории неоинституционализма и трансформации имеют огромное значение для изучения социальной динамики политических элит, которая характеризуется высокой степенью неопределенности. В то же время, отмеченные модели концептуализации динамики и смены политических элит не являются совершенными и нуждаются в дальнейшем критическом осмыслении.

1. Байме К., фон. Теория трансформации – новая международная отрасль знания? // Государство и право. 1994. № 7. С. 148–160.
2. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации // Полис. 2001. № 1. С. 15–30.
3. Гельман В.Я. «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России. // Полития. 2010. № 2 (57). С. 6–24.
4. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6–15.
5. Даль Р. Предпосылки возникновения и утверждения полиархий // Полис. 2002. № 6. С. 34–57.
6. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. с. 568.
7. Ледяев В.Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 10.
8. Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 53–65.
9. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 55–59.
10. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
11. Норт Д. Институты институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

12. Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ. // Полис. 2002. № 6. С. 58–70.

13. Парето В. Учебник политической экономики / Пер. с фр. А.А. Зотова и В.Л. Силаевой. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 471 с.

14. Парето В. Из работы «О применении социологических теорий» // Социс. 1995. № 10. С. 137–145; 1996. № 1. С. 108–118.

15. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 320 с.

16. Шумпетер Дж. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

References

1. Bajme K., fon. Teoriya transformacii – novaya mezhdunarodnaya otrasl' znaniya? // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 7. S. 148–160.

2. Gel'man V.Ya. Postsovetskie politicheskie transformacii // Polis. 2001. № 1. S. 15–30.

3. Gel'man V.Ya. «Podryvnye instituty» i neformal'noe upravlenie v sovremennoj Rossii. // Politiya. 2010. № 2 (57). S. 6–24.

4. Golosov G.V., Lixtenshtejn A.V. «Partii vlasti» i rossijskij institucional'nyj dizajn: teoreticheskij analiz // Polis. 2001. № 1. S. 6–15.

5. Dal' R. Predposylki vzniknoveniya i utverzhdeniya poliarij // Polis. 2002. № 6. S. 34–57.

6. Zaslavskaya T.I. Societal'naya transformaciya rossijskogo obshhestva. M.: Delo, 2002. s. 568.

7. Ledyayev V.G. Kto pravit? Diskussiya vokrug koncepcii vlasti Roberta Dal'ya // Sociologicheskij zhurnal. 2002. № 3. S. 10.

8. Libman A.M. Institucional'naya konkurenciya i postsovetskaya transformaciya (Vliyanie neformal'nyx institutov) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2006. № 6. S. 53–65.

9. Mixel's R. Sociologiya politicheskoy partii v usloviyax demokratii // Dialog. 1990. № 3. S. 55–59.

10. Moska G. Pravyashhij klass // Socis. 1994. № 10. S. 187–198.

11. Nort D. Instituty institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie e'konomiki. M.: Fond e'konomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 s.

12. Panov P.V. Transformacii politicheskix institutov v Rossii: krosstemporal'nyx sravnitel'nyj analiz. // Polis. 2002. № 6. S. 58–70.

13. Pareto V. Uchebnik politicheskoy e'konomii / Per. s fr. A.A. Zotova i V.L. Silaevoj. M.: RIOR: INFRA-M, 2017. 471 s.

14. Pareto V. Iz raboty «O primenenii sociologicheskix teorij» // Socis. 1995. № 10. S. 137–145; 1996. № 1. S. 108–118.

15. Pshevorskij A. Demokratiya i rynek. Politicheskie i e'konomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike. M.: «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya» (ROSSPE'N), 2000. 320 s.

16. Shumpeter Dzh. Kapitalizm, socializm i demokratiya. M.: E'konomika, 1995. 540 s.

UDC 316.344.42+323.396

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.7278

A METHODOLOGY FOR STUDYING THE SOCIAL DYNAMICS OF POLITICAL ELITES

Naronskaia Anna Gegamovna,

Ural Federal University,
Department of Theory and History of International Relations,
Candidate of Political Sciences, PhD, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: naronsk.an@mail.ru

Annotation

The article considers the methodological foundations of the study of the social dynamics of political elites. The author notes that the problems of changes and development of political elite were widely studied in both classical and modern elitology. The purpose of this article is to show the advantages and disadvantages of different theoretical models in the study of the dynamics of elite groups.

Key concepts:

political elite, political process, genesis of political elite, transitology, transformation, new institutionalism.